

УДК 811.161.1'38:821.161.1-342

О.Н. Говорищева

**НОВЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ РУССКОЙ БАСНИ
НА РУБЕЖЕ XVIII – XIX ВВ.**

Говорищева О.М.

НОВІ СТИЛІСТИЧНІ ТЕНДЕНЦІЇ У МОВІ І СТИЛІ РОСІЙСЬКОЇ БАЙКИ НА МЕЖІ XVIII – XIX СТ.

У статті розглядається стилістична організація байок ідентичного змісту двох російських байкарів, представників сентиментального і реалістичного напрямів у російській літературі – І.І.Дмитрієва і І.А.Крилова. Простежується використання в однойменних байках різних авторів зображально-виражальних засобів і прийомів поетичної мови, які і зумовлюють своєрідність їх індивідуально-художнього стилю.

Ключові слова: російська байка, поетична мова, засоби виразності і зображальності, народно-розмовні елементи, просторіччя, композиційно-стилістична організація, діалог, образ оповідача, сентиментальний напрям, Дмитрієв, Крилов.

Говорищева О.Н.

**НОВЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ РУССКОЙ БАСНИ НА
РУБЕЖЕ XVIII – XIX ВВ**

В статье рассматривается стилістическая организация басен ідентичного содержания двух русских баснописцев, представителей сентиментального и реалистического направлений в русской литературе - И.И.Дмитриева и И.А.Крылова. Прослеживается использование в одноименных баснях разных авторов арсенала изобразительно-выразительных средств и приемов поэтического языка, во многом обуславливающих своеобразие их индивидуально-художественного стиля.

Ключевые слова: русская басня, поэтический язык, средства выразительности и изобразительности, народно-разговорные элементы, просторечие, композиционно-стилістическая организация, диалог, образ рассказчика, сентиментальное направление, Дмитриев, Крылов.

Govorischeva O.N.

NEW STYLISTIC TENDENCIES IN THE LANGUAGE AND STYLE OF RUSSIAN FABLE AT THE

END OF XVIII-XIX CENTURIES.

The stylistic organization of identical fables of two Russian fabulists, the representatives of sentimental and realistic directions in Russian literature I.I.Dmitriev and I.A.Krylov, is examined in the article. The store of devices' expressive paints and means of poetical language are traced in the identical fables of different authors, which identifies their individual, artistic style.

Key words: Russian fable, folk speech, expressive paints, popular language, compositional and stylistic organization, dialogue, Dmitriev, Krylov, sentimental direction, image of author, poetical language.

Постановка проблемы. В истории языка русской поэзии важная роль принадлежит русской басне. Здесь на разных этапах развития этого жанра сталкивались и совмещались разные стилистические тенденции, вырабатывался непринужденный поэтический повествовательный слог, разрабатывались принципы построения и включения в повествовательную ткань диалога, использования в структуре басни различных изобразительно-выразительных средств, устанавливались приемы композиционно-стилистической организации басенного текста. Очень важно вскрыть, как всё это происходило, как в пределах русской басни осуществлялось «слияние устной народной речи и народной поэзии с достижениями литературно-языковой культуры» [2, 195].

Анализ актуальных исследований.

Языку и стилю русской басни посвящено немало интересных работ. Прежде всего необходимо назвать статьи В.В. Виноградова, работы А.С. Орлова, статьи Н.Л. Степанова. Из работ последнего десятилетия следует отметить диссертации И.И. Даниленко «Диалог в эпиграмме и басне XVIII - первой половины XIX века», О.В. Рисиной «Поэтическая трансформация универсальных смыслов текста на материале рус. лирики и басни XIX-XX вв.», Н.Г. Арешевой «Семантические модификации метаязыковой сущности языка басни. Сопоставительный анализ переводов». Но в этих работах почти не затронуты вопросы стилистико-речевой организации басен, не выделена художественная новизна и эстетическое своеобразие басенного творчества представителей различных литературных направлений.

Целью данной статьи является установление в языке и стиле русской басни рубежа XVIII – XIX вв. новых стилистических тенденций, новых принципов создания басенных образов, самой структуры басенного жанра, обусловленных как общими культурно-историческими причинами, так и своеобразием художественных индивидуальностей, разрабатывающих этот жанр, а также вклада этих индивидуальностей в формирование русского поэтического языка.

С этой целью проанализируем одноименные басни «Дуб и Трость» И.И. Дмитриева и И.А. Крылова.

Изложение основного материала.

В.В. Виноградов, подвергнув анализу эти басни в известных статьях, всё своё исследовательское внимание сосредоточил на вовлечении в басенный стиль народно-разговорных элементов, на сочетании этих элементов с книжными формами и – шире – на формировании простого и среднего стилей русского литературного языка и их роли в создании новой системы общерусского национального языка. Нас же интересует использование в одноименных баснях разных авторов арсенала изобразительно-выразительных средств и приемов поэтического языка, во многом обуславливающих своеобразие их индивидуально-художественного стиля.

В своих «Очерках по истории русского литературного языка XVII – XIX вв.» В.В. Виноградов утверждал, что «русско-французская фразеология в стилях XVIII в. ... носила отпечаток того манерного, перифрастического, богатого метафорами, риторически изукрашенного языка, который был так характерен для французского общества и французской поэзии той эпохи» [1, с. 181]. Отрицательная оценка Виноградовым перифрастичной русско-французской фразеологии в стилях русской литературы XVIII века несколько позднее сменилась подчеркиванием значимости этого феномена в истории русского литературного языка: «Не будет парадоксальным утверждение, что диалект «щеголей» и «щеголих» XVIII века стал одной из социально-бытовых опор литературной речи русского дворянства конца XVIII – начала XIX вв.» [2, с. 195-196]. Этот же «щегольской диалект» стал и основой нового русского поэтического языка XIX века [6].

Наступление нового периода в формировании русского поэтического языка связано с Н.М. Карамзиным и с его последователем и сподвижником И.И. Дмитриевым, принадлежащими к sentimentalному направлению. И.И. Дмитриев, по словам его племянника М.А. Дмитриева, дал русскому стиху, как Карамзин прозе, «простоту и непринужденность естественной речи, чистоту выражения и совершенную правильность словосочинения без натяжек и перестановок слов для меры и для наполнения стиха, чем обезображивали старинные стихотворцы язык поэзии» [4, с. 113]. Наиболее оригинальным и живописным является его

басенный язык. Именно в стихотворном жанре басни И.И. Дмитриев широко использовал легкие, элегантные, непринужденно-разговорные средства выразительности и изобразительности, искусно сочетая их с книжными формами. По справедливому утверждению того же М.А. Дмитриева, «он первый начал говорить в них [баснях] языком светского общества и первый проложил путь языку «Онегина» [4, с. 114].

Не случайно П.А. Вяземский восхищался уже начальным стихом басни Дмитриева «Дуб и Трость», видя здесь «мастерское изложение» – ту смысловую емкость и образно-выразительную силу, которые приобретают в подлинно поэтической речи любые соотношения элементов общей системы языка.

В.В. Виноградов, говоря в своей статье об основных различиях между стилями Дмитриева и Крылова, называл «неоправданные столкновения и смешения разнородных языковых элементов» в языке Дмитриева (в отличие от языка Крылова) и иллюстрировал это следующим примером из его басни «Дуб и Трость»: *Ветр, пуще воружась, из всей ударил мочи— / И тот, на коего с трудом взирали очи, / Кто ада и небес едва не досягал, — / Упал!*

По мнению Виноградова, «переход к книжным, торжественным формам высокого слога, используемым для характеристики падения дуба, слишком резок» [2, с. 132]. Но если смотреть на басню как на произведение литературно-словесного искусства, то главное здесь не в резком переходе от разговорных форм к книжным. Главное здесь – в ритмико-интонационном и стилистическом контрасте: пятиударные строки (предпоследняя со спондеем) сменяются усеченной, одноударной строкой. Это усечение резко модифицирует ритм и тем самым выделяет, акцентирует важное в семантическом отношении слово *упал*. Контраст подчеркнут и стилистически: книжные, торжественные формы высокого слога, используемые для характеристики дуба, сталкиваются с прозаическими-обыденными, ритмически акцентированным словом (*коего... взирали очи, ада и небес едва не досягал – упал*). Сам И.И. Дмитриев, по воспоминаниям И.А. Арсеньева, «в особенности хвастался своим концом этой басни – счастливой антитезой» [2, с. 365].

У Крылова же в концовке басни скорее подчеркнуты сила и мощь ветра, чем «трагический конец величия дуба», о котором говорит Виноградов: *Бушует ветер, удвоил силы он, / Взревел — и вырвал с корнем вон / Того, кто небесам главой своей касался / И в области теней пятою упирался*. Акцент приходится здесь на глаголы, динамически воспроизводящие силу ветра,

легко вырвавшего «с корнем вон того, кто...».

У Дмитриева в заключительной фразе *Дуб*, замененный указательным местоимением *тот*, оказывается в позиции подлежащего-антецедента, с которым соотносены придаточные части, выступающие в функции поэтических перифраз, подчеркнутую прерывающие синтаксически главную часть предложения, задерживающие ее движение и тем самым создающие эмоциональное напряжение, которое разрешается только в последнем стихе, состоящем из одного лишь глагола-сказуемого *упал*. У Крылова – *Дуб* превращен в объект действия ветра, находится в позиции пассивного члена. Поэтому «трагический конец величия дуба» подчеркнут не в басне Крылова, а в басне Дмитриева.

Так входили в русский поэтический язык и закреплялись в нем приемы создания выразительности и изобразительности.

В.В. Виноградов в своей статье о Дмитриеве справедливо отмечает, что «в языке Крылова неизмеримо острее, разнообразнее и живописнее использованы экспрессивные краски живой народной разговорной речи» [2, с. 132], и иллюстрирует это утверждение параллельными примерами из басен Крылова и Дмитриева: «С тростинкой дуб однажды в речь вошел...» (ср. «Дуб с тростью вступил однажды в разговоры»).

Следует, однако, учитывать, что становление поэтического языка произошло одновременно со становлением нового русского литературного языка и во многом способствовало формированию последнего. Именно из разных экспрессивных сфер поэтической речи рубежа веков переходило в литературный язык и закреплялось в нем всё то, что отвечало общей национальной литературно-языковой норме. По мнению многих известных ученых (В.В. Виноградова, А.В. Исаченко, Б.А. Успенского и др.), на рубеже XVIII – XIX вв. новая система языка создавалась по нормам преимущественно французской семантики. Выдающиеся деятели русской литературно-языковой культуры стремились к созданию такой системы русского литературного языка, «которая удовлетворяла бы требованиям развитого общественного лингвистического вкуса и соответствовала бы духу и стилю европейской цивилизации» [1, с. 175]. С другой стороны, новый русский литературный язык нуждался в экспрессивной свежести и естественности, которыми обладал простонародный язык. Как известно, карамзинская школа ограничивала употребление живой народной речи. В басенном же языке Крылова устная разговорная речь простого народа «была возведена на степень основной базы общерусского национального языка» [1, с. 238]. Что касается приведенных В.В. Виногра-

довым выше примеров, то калькированное с французского языка выражение «вступить в разговор» (у Дмитриева) закрепилось в русском литературном обиходе, в то время как крыловское выражение «войти с кем-то в речь» так и осталось за пределами литературного употребления. Потому-то Вяземский и отмечал, что «Дмитриев, как писатель, как стилист, более художник, чем Крылов, но уступает ему в живости речи» [3].

Образ рассказчика, избранный Дмитриевым, воплощал представление об утонченном, благовоспитанном, добродетельном человеке. Басня Дмитриева очищена как от архаических литературно-книжных элементов (*воздыхать* допускалось литературной нормой конца XVIII – начала XIX вв.), так и от грубо-вульгарных, «неэстетичных» простонародных оборотов и выражений. И.И. Дмитриев смело для своего времени использовал смешение разных в генетико-стилистическом отношении элементов в структуре одного произведения, при этом баснописец стремился к стилистической сглаженности фразы, вырабатывая новые принципы экспрессивного сочетания и объединения разнотипных элементов русского литературного языка. В стихотворной сфере им была намечена тенденция образования «нового» русского литературного языка с мощным пластом нейтральной лексики, который впоследствии дал крепкую лексическую базу современному русскому языку.

Характерной особенностью становления нового поэтического языка являлся ввод, под влиянием французского литературного языка, перифразы (с привлечением мифологических образов), который был вызван стремлением отказаться от надоевших установленных схем путем обновления состава сочетания, но сохраняя в его составе элемент традиционности. Это проявилось уже в басенном языке Сумарокова (ср.: *Мне столько ж, как Зефир, ужасен Аквилон... А ты, лишь только тронет / Зефир поверхность вод*). Это получило дальнейшее применение и развитие в баснях И.И. Дмитриева и И.А. Крылова (ср. у Дмитриева: «*Все для меня—Зефир, тебе же все—Аквилон.; На топких берегах владычества Эола*»; у Крылова: *Брега бурливого Эолова владенья / Тебе всё бурей — мне всё кажется Зефиром / И с градом и с дождем шумящий Аквилон*).

И.А. Крылов, в отличие от И.И. Дмитриева, смело включает народно-разговорные элементы не только в речь персонажей, но и в авторское повествование. Экспрессивно-речевая структура образа рассказчика в баснях Крылова осложняется прежде всего широким привлечением разнородных элементов устной народной речи – как в области лексики и фразеологии, так и в области синтаксических форм. По словам Вяземского, Кры-

лов «берет живостью и яркостью красок: они всем кидаются в глаза и радуют их игривостью своею, рельефностью, поразительною выпуклостью» [3]. Но Крылов принципиально не принимает светский язык русской дворянской интеллигенции, опирающийся на «шегольской диалект» и входящий уже в это время в качестве одной из составных частей в новую систему русского литературного языка. Поэтому Вяземский далее замечает: «Крылов может быть своеобразен, но он не образцовый писатель. Наставником быть он не может. Дмитриев, по слогу, может остаться и остался во многом образцом для тех, которые образцами не пренебрегают» [3].

В 90-е годы И.И. Дмитриев оказывает заметное влияние на становление и развитие нового русского литературного языка, ориентирующегося на живое употребление, т.е. на разговорную речь светского общества или, как говорит Б.А. Успенский, «на социальный диалект дворянской элиты» [6]. Влияние осуществлялось через создание литературно-поэтических произведений, в том числе басен. Это было время становления не только современного русского литературного языка, но и поэтического языка, и басни как поэтического жанра. Дмитриев ищет и находит новые приемы и принципы экспрессивного объединения разнородных языковых элементов в структуре одного произведения. В.В. Виноградов полагает, что в басне «Дуб и Трость» у Крылова речи действующих лиц стилистически дифференцированы, а у Дмитриева басенные персонажи говорят одним и тем же языком [2, с. 135]. Однако, начавшись «в тонах интимного бытового разговора», речь Дуба у Дмитриева постепенно приобретает важную, торжественно-риторическую окраску, которая к концу сменяется снисходительно-жалостливой экспрессией: *«Жалею,— Дуб сказал, склоня к ней важны взоры,—/Жалею, Тросточка, об участи твоей!/И чаю, для тебя тяжел и воробей;/Легчайший ветерок, едва струящий воду,/Ужасен для тебя, как буря в непогуду,/И гнет тебя к земли,/Тогда как я — высок, осанит и вдали/ Не только Фобовы лучи пересекаю,/ Но даже бурный вихрь и громаы презираю;/ Стою и слышу вокруг спокойного треск и стон;/Всё для меня Зефир, тебе же всё Аквилон./ Блаженна б ты была, когда б росла со мною:/ Под тению моей густою/Ты б не страшилась бурь; но рок тебе судил/Расти, наместо злачна дола,/ На топких берегах владычества Эола,/ По чести, и в меня твой жребий грусть вселил»*.

Его речи противопоставлена непринужденно-обиходная речь Тростинки:— *«Ты очень жалостлив, — Трость Дубу отвечала,—/Но, право, о себе еще я не вздыхала,/Да не о чем и воз-*

дыхать:/Мне ветры менее, чем для тебя, опасны./Хотя порывы их ужасны/И не могли тебя досель поколебать,/Но подождем конца).

Дмитриев ввел в стихотворный жанр басни легкой, разговорной, основанной на салонном употреблении язык. Просторечные конструкции, вовлекаясь в сферу этого изысканного языка, подвергались строгому отбору. Стремление избежать использования простонародной лексики было присуще писателям-сентименталистам, хотя разговорные слова и выражения достаточно широко представлены в рассматриваемой басне – правда, в художественно обработанном виде (*чаю, Тросточка, ветерок, наместо, досель, пуще, из всей мочи*).

Речь крыловского Дуба, напротив, развернута в длинные синтаксические периоды, отяжелена инверсиями, деэпричастными и причастными оборотами, устаревшей к этому времени церковнославянской формой *посмеаяся*; некоторую стилистическую неуклюжесть придают речи Дуба и фонетические неблагозвучия («*От непогод бы я быть мог...*»; «*Как будто б огражден...*» и т.п.). Вначале «близкая к обиходному просторечию» (Виноградов) речь Тростинки сменяется в конце отвлеченно-метафорической декламацией: «*Ты очень жалостлив, — сказала Трость в ответ, — / Однако не крушись: мне столько худа нет. / Не за себя я выхрей опасуюсь; /Хоть я и зную, но не ломаюсь: / Так бури мало мне вредят; / Едва ль не более тебе они грозят!! То правда, что еще доселе их свирепость /Твою не одолела крепость / И от ударов их ты не склоняла лица*».

Дмитриев словно бы выполняет призыв Карамзина к русским писателям создавать нормы литературного языка – и притом такого, который мог бы влиться в разговорную речь, обогатить ее новыми формами выражения. Его поэтический язык очищен от архаизмов – прежде всего от славянизмов, неупотребительных в разговорном общении. Привлекаются и просторечные и даже простонародные слова и выражения, но все они, как правило, не идут вразрез с требованиями и вкусами образованного светского человека, соответствуют эстетическим нормам дворянского салона. Создается поэтический язык, ориентирующийся на естественное употребление, на разговорную речь просвещенной, интеллектуальной элиты.

Крылов же, по справедливым словам П.А. Вяземского, превосходит Дмитриева («в живости речи»), в умении превратить басню в драматическую сценку, умно и увлекательно ее изложить – и оставить читателя с барышом [3]. Всё это тре-

бовало привлечения разнообразных стилистико-речевых средств, их органического синтеза, их мотивированного умелого использования для создания ярких, живых, впечатляющих басенных образов. Правда, эти особенности в басне «Дуб и Трость» еще не так заметны, но в дальнейшем Крылов пойдет по пути углубления приемов социально-экспрессивного и характеристического разграничения речей персонажей, по пути всё более широкого привлечения в язык русской басни выразительных народно-разговорных средств (при этом очищенных от архаико-простонародных вульгаризмов) и всё более смелого, органического соединения их с книжными и даже высокими пластами языка.

Выводы. Каждый из этих баснописцев выполнял свою задачу: Дмитриев – задачу создания нового поэтического языка – легкого, игривого, свежего, блестящего экспрессивными красками остроумия, тонкой иронии. Крылов в пределах басни стремился к художественно-реалистическому отражению жизни, широко привлекая живописные формы устной народной речи, всё разнообразие стилистических средств русского литературного языка начала XIX века, намечая новые пути их смешения и синтеза на широкой демократической основе.

Рассмотрение путей решения стилистических задач, вставших перед русскими поэтами-баснописцами в первой четверти XIX века, определяет перспективу дальнейшего исследования данной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков / Виктор Владимирович Виноградов. – [3-е изд.] – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Виноградов В.В. Избранные труды: Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Наука, 1990. – 390 с.
3. Вяземский П. [Электронный ресурс] / Пётр Андреевич Вяземский– Режим доступа http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0390.shtml
4. Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти / Михаил Алексеевич Дмитриев.— М.: Русский архив, типография Грачёва и Ко, 1869.— С.113-114
5. Русская басня / под ред. Н.Л.Степанова, В.П.Степановой. — Л.: Правда, 1986. — 541 с.
6. Успенский Б. [Электронный ресурс] / Успенский Борис.— Режим доступа <http://www.rvb.ru/philologica/04pdf/04uspenskij>.